

Глеб Морев
независимый исследователь
glebmorev@gmail.com

Gleb Morev
independent researcher
glebmorev@gmail.com

«ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ»: ИОСИФ БРОДСКИЙ В 1968 ГОДУ¹

“A STOP IN A DESERT”: JOSEPH BRODSKY IN 1968

Глава из литературной биографии Иосифа Бродского, подготавливаемой автором, рассказывает об обстоятельствах публичного чтения Бродским стихотворения «Остановка в пустыне» 30 января 1968 года в Ленинграде и о функции этого текста в новой, после возвращения из ссылки и смерти Ахматовой, самопрезентации Бродского.

Ключевые слова: Иосиф Бродский, «Остановка в пустыне», биография поэта.

A chapter from a literary biography of Joseph Brodsky, currently being prepared by the author, recounts the circumstances of Brodsky's public reading of the poem “A Stop in a Desert” on January 30, 1968, in Leningrad, and explores the function of this text in his new self-presentation following his return from exile and the death of Anna Akhmatova.

Keywords: Joseph Brodsky, “A Stop in a Desert”, biography of a poet.

Остановка в пустыне —

первая книга, при подготовке которой Бродский обладал властью редактора и составителя <...> он отобрал стихи и продумал их последовательность, а также дал названия шести пронумерованным разделам («Холмы», «Anno Domini», «Фонтан», «Остановка в пустыне»², «Горбунов и Горчаков», «Переводы») (Хэвен 2024: 37, 39).

¹ Фрагмент из книги *Иосиф Бродский: Годы в СССР* (Москва: Новое литературное обозрение, в печати).

² В печатном издании этот раздел был ошибочно озаглавлен «Поэмы»; в экземпляре Бродского, переправленном им своему переводчику Джорджу Клайну, заглавие «Поэмы» исправлено автором на «“Остановка в пустыне” [Длинные стихотворения]» (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University, New Haven. George Louis Kline papers. GEN MSS 650. Box 2).

Титулом книги стало название одного из программных текстов Бродского — написанного в первой половине 1966 года стихотворения «Остановка в пустыне».

30 января 1968 года Бродский прочитал его в Белом (Большом) зале ленинградского Дома писателей на «Вечере творческой молодежи». Выбор текста и вся композиция вечера отражали новый статус Бродского на ленинградской (по меньшей мере) литературной сцене.

В чтении, вызвавшем небывалое внимание публики (зал, по свидетельствам очевидцев, был переполнен³) и организованном «Экспериментальным литературным объединением», созданным Б. Б. Вахтиным при Секции прозы Ленинградского отделения Союза писателей, принимали участие (в порядке выступления) Владимир Марамзин, Александр Городницкий, Валерий Попов, Татьяна Галушко, Елена Кумпан, Сергей Довлатов, Владимир Уфлянд⁴, Иосиф Бродский⁵. Бродский, особое место которого среди выступавших было подчеркнуто тем, что его чтение явно было запрограммировано организаторами как композиционная точка или своего рода апофеоз вечера, выступил с откровенно «идеологическим» текстом, охарактеризованным позднее Львом Лосевым как «медитация об исторической судьбе России, находящейся на распутье между эллинизмом и “азиатчиной”» (Бродский 2011: 510).

Бродский выразительно ограничил свое чтение «Остановкой в пустыне»⁶. Это, наряду с финальным местом в ряду выступавших и сравнительно редким жанром (не говоря о тематике) медитативного «длинного стихотворения» (по авторскому определению) должно было отделить — и эффектно отделило — Бродского от остальной поэзии и поэтов, представ-

³ «Такого аншлага, такой атмосферы “брожения умов”, такого количества горящих и светлых лиц этот зал, похоже, не знал за все время своего существования» (Люблинская 2019: 171).

⁴ Владимир Уфлянд был приглашен к участию в вечере по настоянию Бродского (см.: Гордин 2010: 67).

⁵ Порядок чтения отражен в последовавшем после вечера доносе («Заявлении») антисемитски настроенной группы ленинградских литераторов в отделы культуры ЦК КПСС, ленинградского обкома КПСС и ВЛКСМ, где вечер был назван «сионистским митингом» (см.: Иванов 2009: 406; блок мемуарных материалов см.: *Новая газета*. №4. 1 февраля 2008.). Версия о том, что этот донос сыграл определяющую роль в запрете книги Бродского в «Советском писателе», впервые высказанная в сообщении «Хроники текущих событий» (1969. 30 июня. Вып. 2), опровергается хронологией: судя по письму Бродского Гранину, об отказе от рукописи ему было объявлено 12 февраля, донос же датирован 25 февраля (Иванов 2009: 404). Несомненно, однако, что донос — наряду с позицией, занятой Бродским в ответ на требование осудить зарубежные публикации — сказался на его положении в официальном литературном поле. Так, 8 июля 1968 года, сообщая Л. К. Чуковской о снятии эпитафии из Бродского в подготавливаемой книге Ахматовой, редактор Лениздата Б. Г. Друян писал: «К Бродскому в Ленинграде совершенно определенное отношение. Он настолько скомпрометировал себя публичным чтением антисоветских стихов, что партийное издательство, каковым является Лениздат, совершило бы политическую ошибку, если бы не сняло его эпитафию» (Чуковский К., Чуковская Л. 2003: 505).

⁶ Свидетельство Я. А. Гордина в письме к автору от 13 января 2025 года.

ленных на вечере⁷. Один из близких друзей Бродского, Рамунас Катилюс вспоминал:

В позднее данном подробном описании вечера Яша Гордин, в частности, писал: «Это было небывалое событие, и так оно и воспринималось слушателями» (Гордин 2010: 67). Так оно было воспринято и мною. Очень хорошо помню двух солидных мужчин среднего возраста, в добротных костюмах на площадке внутренней лестницы великолепного Шереметевского дворца, делящихся между собой впечатлениями от поэтической части вечера. Один из мужчин весьма серьезным тоном говорил другому: «Да, Бродский, несомненно, проявляет признаки гениальности» (Катилюс 2015: 65).

Произведенный эффект был очевиден не только присутствовавшим, но и самому Бродскому. Как вспоминает тот же Катилюс,

догнав после вечера меня на [улице] Чайковского, Иосиф спросил: «Ну и как тебе нравится это дидактическое искусство?» Думаю, он как бы извинялся за прямую гражданственность прочитанного им стихотворения (Там же).

Свойство, определенное Бродским (с долей автоиронии) как «дидактичность», было однако одной из концептуальных составляющих тогдашней самопрезентации поэта. Как замечает близкий, но в то же время без симпатии относившийся к новой поэтике и (поведенческой) политике Бродского наблюдатель,

после <...> смерти [Ахматовой], даже на фоне мощной подпитки славой, слетевшей на него вслед за судом и ссылкой, передававшейся из уст в уста и по радио, необходим был новый стиль поведения на людях (Найман 2017: 248)⁸.

«Остановка в пустыне» стала одним из маркеров/манифестов этого «нового стиля» Бродского⁹ и выбор данного текста в качестве титульного для первой собранной самим поэтом книги представляется знаковым.

Если название не вышедшего в «Советском писателе» сборника, данное по обращенному к подруге поэта («М. Б.») стихотворению «Зимняя почта» — образцу традиционной любовной лирики — имплицировало ассоциации, ограниченные кругом (интимного) чувствования и миром частного человека, то название новой книги — *Остановка в пустыне* — вслед за одноименным текстом выдвигало на первый план социальную и даже историософскую проблематику. Новый «дидактизм» Бродского был прямо связан с шокировавшей первых слушателей и читателей этого текста¹⁰

⁷ «Это было настолько непривычно и революционно по глубине, по остроте поэтической мысли, что всё “до” и “после” него меркло» (Люблинская 2019: 171).

⁸ Ср.: «Он [после ссылки] стал уверенней в себе, как-то серьезнее, даже в манере чтения это проявлялось. <...> В манере поведения ушли мальчишество, некоторая задиристость, какие были у него раньше» (М. И. Мильчик в: Полухина 2010: 43).

⁹ В этом качестве стихотворение сразу подверглось пародированию в дружеском кругу поэта: «мы шутили по поводу этих стихов: “У нас сломалась греческая церковь”» (Мейлах 2020). В личном сообщении М. Б. Мейлах указал, что автором этой пародии был А. Г. Найман.

¹⁰ По свидетельству Л. В. Лосева (Лосев 2010: 252).

(и отчетливо противостоящей лирической речи от первого лица¹¹) авторской самоидентификацией с выраженным местоимением «мы» множественном:

Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал. <...>

Сегодня ночью я смотрю в окно
и думаю о том, куда зашли мы?
И от чего мы больше далеки:
от православья или эллинизма?
К чему близки мы? Что там впереди?
Не ждет ли нас теперь другая эра?
И, если так, то в чем наш общий долг?
И что должны мы принести ей в жертву?

Говоря об этом демонстративном «мы», Лосев отмечает:

«Остановка в пустыне» содержит <...> важный мотив личной идентификации с родной страной и ее судьбой — здесь большую роль играет выбор «мы» для обозначения лирической персоны, начиная с парадоксального «мы сломали Греческую церковь» (Бродский 2011: 510).

Как ранее в стихотворении «Народ», Бродский апеллирует к некоей исторической общности, не отделяя себя от ее драматической судьбы и присваивая функцию ее (как сказано в другом программном стихотворении — «Одной поэтессе») «рупора», по умолчанию предполагающую у говорящего «пушкинский» статус «национального поэта». А. Г. Найман, с неприятием отнесшийся к новой манере (и ипостаси) Бродского, описывая прагматику этого текста, отмечал «трибунный голос, которым поэт обращался к предположительно внимающим массам» (Найман 2017: 249)¹². В рамках его (и некоторых других друзей поэта) системы ценностей открытая идеологичность и пафосность («прямая гражданственность», говоря словами Катилюса) сообщали этому тексту Бродского черты насквозь идеологизированной советской эстетики¹³.

¹¹ Характерно, что «заглавное» стихотворение несостоявшегося в «Советском писателе» издания («Зимняя почта», 1964) не было включено автором в новый сборник. Отметим, что «Остановка в пустыне» в готовившийся в «Советском писателе» сборник входила.

¹² Ср. свидетельство тогда же познакомившегося с Бродским и Найманом мемуариста о «смеси близости и раздраженного соперничества, которая всегда угадывалась под поверхностью их разговора» (Верхейл 2002: 34).

¹³ Ср.: «Однажды Иосиф позвонил, сказал: “Приезжайте, у меня симпатичный итальянец”. Итальянец был ужасно симпатичный, Джанни. Мы пошли гулять, по Литейному к Невскому, было тесновато, нас с ним вынесло вперед, Иосиф с еще одним встреченным по пути приятелем шли сзади. Я спросил у итальянца, собирается ли он переводить Бродского, — он, до тех пор немногословный, с живостью откликнулся, что как раз хотел спросить у меня, какие стихи я бы посоветовал. Я сказал, что принято, да и поэту приятно, когда начинают с последних, тем более что последнее, “Остановка в пустыне”, написано белым стихом, легче переводить. Он мгновенно ответил: “Скорее красным”, — и я уставил-

Для Бродского тем не менее приоритетной оказывалась принадлежность к идущей от «Клеветникам России» до «Северных элегий» традиции «большого» поэтического высказывания об истории и современности. Как бы предвосхищая упреки в «советскости», он рефлексировал в тексте действительные тематические совпадения с официальным литературно-публицистическим дискурсом — например, в обсуждении темы будущего, «жизни следующих поколений». В официальном изводе она сводилась к рисованию радужных перспектив будущих строителей коммунизма — Бродский же меняет оценки на прямо противоположные, одновременно иронически «острая» советские идеологемы:

Когда-нибудь, когда не станет нас,
 точнее — после нас, на нашем месте
 возникнет тоже что-нибудь такое,
 чему любой, кто знал нас, ужаснется.
 Но знавших нас не будет слишком много.
 Вот так, по старой памяти, собаки
 на прежнем месте задирают лапу.
 Ограда снесена давным-давно,
 но им, должно быть, грезится ограда.
 Их грезы перечеркивают явь.
 А может быть, земля хранит тот запах:
 асфальту не осилить запах псины.
 И что им этот безобразный дом!
 Для них тут садик, говорят вам — садик.
 А то, что очевидно для людей,
 собакам совершенно безразлично.
 Вот это и зовут: «собачья верность».
 И если довелось мне говорить
 всерьез об эстафете поколений,
 то верю только в эту эстафету.
 Вернее, в тех, кто ощущает запах.

К 1966 году «эстафета поколений» — советский газетно-журнальный штамп, использующийся по преимуществу для констатации общности идейных ценностей у делавших Октябрьскую революцию 1917 года коммунистов—«отцов» и их «детей»—комсомольцев. Частота его употребления резко возросла с начала 1960-х годов, когда поколение участников революции и Гражданской войны в СССР стало уходить с исторической сцены.

Тридцать девять лет существует Советская власть. Огромный путь прошли наш народ, наша страна. Стремясь вперед, только вперед, нельзя забывать и о минувшем. Надо учиться у тех, кто завоевывал Советскую власть <...> — учиться у них умению преодолевать неслыханно трудное, умению всегда добиваться поставленной цели. Много сделано старшими, но как много

ся на него, а он, улыбаясь, на меня. До этого мгновения я разговаривал с милым иностранцем, а тут увидел, с кем. “Меня зовут Анатолий Найман”, — сказал я и протянул руку. “А меня Джованни Бутафава”, — весело ответил он и пожал ее” (Найман 2017: 249–250).

еще впереди! Делать его [так! — Г. М.] вам, молодым, которым предстоит принять от старших эстафету поколений, эстафету на прекрасном пути строительства коммунистического общества (Кочетов 1956: 2), —

писал, например, в комсомольском медиа в названной советским клише передовой журнальной статье к очередной годовщине Октябрьской революции Всеволод Кочетов.

Эффект, производимый на слушателей конца 1960-х предпринятым в стихах Бродского «травестированием» подобного официоза, трудно преуменьшить. Гордин свидетельствует:

Можно с уверенностью сказать, что Белый зал [ленинградского Дома писателей] никогда не видел в своих стенах ничего подобного. Это был другой мир. Люди чувствовали, что в пределах этого помещения они могут плюнуть на власть (Гордин 2010: 67).

Градус «оппозиционности» прочитанных на вечере 30 января произведений — в том числе «Остановки в пустыне» — находился однако в пределах формально дозволенного. «Вечер не включал в себя демонстрации верноподданничества, но и не поднимал сжатые кулаки», — свидетельствовал Б. И. Иванов (Иванов 2009: 413). Существенно, что при явном дистанцировании от «советского», Бродский при составлении книги — и, соответственно, при принятии решения об ее издании на Западе — воздерживается от включения в нее столь же принципиальных, как и «Остановка в пустыне», масштабных поэтических высказываний о современности — «Речь о пролитом молоке» (1967) и «Письмо генералу Z» (1968), отмеченных уже не иносказательностью, а прямым радикализмом в отношении к текущей действительности. (Не появляясь в Самиздате, эти тексты не проникают и в западную печать¹⁴.)

После Н. Я. Мандельштам и В. Т. Шаламова, отославших в 1965–1966 годах на Запад тексты своих произведений, Бродский был первым живущим в СССР автором, передавшим рукопись для публикации за границей, и *единственным* принимавшим в 1968–1969 годах участие в редакционной подготовке выхода своей книги на Западе. Вместе с тем решительность жеста с отправкой неподцензурной рукописи за границу, имевшего подлинно рубежный, новаторский характер, сочеталась у Бродского с сознательным стремлением в своем публичном авторском поведении не выходить за рамки Уголовного кодекса — то есть не давать властям повода для преследования за «антисоветскую агитацию», чем была чревата любая открытая критика существующего порядка (в том числе и в стихах). Характерно в этом смысле решение А. Г. Наймана, давшего (по предложению Бродского) свой текст «Заметки для памяти» в качестве предисловия к *Остановке в пустыне*, подписать его криптонимом «Н. Н.», скрыв таким

¹⁴ Оба стихотворения впервые увидели свет в составе сборника *Конец прекрасной эпохи* (Ann Arbor, 1977).

образом свое авторство¹⁵. Несмотря на то, что в предисловии Наймана нет открытых политических высказываний, публикация публицистического — в широком смысле этого слова и жанра — текста на Западе имела в то время иное значение на шкале рисков по сравнению с лирической поэзией¹⁶.

Джордж Клайн вспоминает, как 27 июня 1968 года в Ленинграде

Толя [Найман] неистово колотил по клавишам пишущей машинки Иосифа — она была старая, с кириллическим шрифтом, — а внизу меня уже дожидалось такси, чтобы отвезти в аэропорт: в шесть часов вечера я вылетал в Киев (Хэвен 2024: 37).

30 июня Клайн вылетел из Москвы в США. С собой он вез рукописи стихов Бродского, авторский план будущей книги и предисловие к ней Наймана.

ЛИТЕРАТУРА

- Бродский Иосиф. *Стихотворения и поэмы*. В 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Л. В. Лосева. Санкт-Петербург: Академический проект, 2011 (Новая Библиотека поэта).
- Верхейл Кейс. *Танец вокруг мира: Встречи с Иосифом Бродским*. Санкт-Петербург: Звезда, 2002.
- Гордин Яков. *Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского*. Москва: Время, 2010.
- Иванов Борис. «Свой человек в Большом доме». Иванов Б. *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2009.
- Катилюс Рамунас. «Иосиф Бродский». *Иосиф Бродский и Литва: Воспоминания и размышления* / Сост. Р. Катилюс. Санкт-Петербург: Perlov Design, 2015.
- Кочетов Всеволод. «Эстафета поколений». *Смена*. № 20. 1956.
- Кузьминский Константин, Ковалев Григорий. *Антология новейшей русской поэзии у Голубой лагуны*. Т. 2Б. Ньютонвилл, Масс.: Oriental Research Partners, 1986.
- Лосев Лев. *Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии*. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2010.
- Люблинская Л. «Мое знакомство с Иосифом Бродским». *Звезда* 5 (2019).
- Мейлах Михаил. «“Бродский не хотел возвращаться на пепелище”: Интервью с Михаилом Мейлахом». *Colta.ru*. 24 мая 2020.
- Найман Анатолий. *Рассказы о*. Москва: АСТ, 2017.
- Полухина Валентина. *Иосиф Бродский глазами современников. 2006–2009*. Санкт-Петербург: Звезда, 2010.
- Хэвен Синтия. *Человек, первым открывший Западу Бродского: Беседы с Джорджем Клайном* / Пер. с англ. С. Силаковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2024.
- Чуковский Корней, Чуковская Лидия. *Переписка: 1912–1969* / Вступ. статья С. А. Лурье, коммент. и подгот. текста Е. Ц. Чуковской, Ж. О. Хавкиной. Москва: Новое литературное обозрение, 2003.

¹⁵ Насколько нам известно, впервые авторство Наймана было печатно раскрыто К. К. Кузьминским в изд.: Кузьминский, Ковалев 1986: 180).

¹⁶ А. Г. Найман в разговоре с нами (2020) подтвердил эту мотивацию своей анонимности.

REFERENCES

- Brodskij Iosif. *Stihotvoreniya i poemy*. V 2 t. T. 1./Vstup. stat'ya, podgot. teksta i primech. L. V. Loseva. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2011 (Novaya Biblioteka poeta).
- Chukovskij Kornej, Chukovskaya Lidiya. *Perepiska: 1912–1969* / Vstup. stat'ya S. A. Lur'e, koment, i podgot. teksta E. C. Chukovskoj, Zh. O. Havkinov. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003.
- Gordin YAKov. *Rycar' i smert', ili ZHizn' kak zamysel: O sud'be Iosifa Brodskogo*. Moskva: Vremya, 2010.
- Heven Sintiya. *Chelovek, pervym otkryvshij Zapadu Brodskogo: Besedy s Dzhordzhem Klajnom* / Per. s angl. S. Silakovoij. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024.
- Ivanov Boris. «Svoj chelovek v Bol'shom dome». Ivanov B. *Sochineniya*. V 2 t. T. 2. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
- Katilyus Ramunas. «Iosif Brodskij». *Iosif Brodskij i Litva: Vospominaniya i razmysleniya* / Sost. R. Katilyus. Sankt-Peterburg: Perlov Design, 2015.
- Kochetov Vsevolod. «Estafeta pokolenij». *Smena*. № 20. 1956.
- Kuz'minskij Konstantin, Kovalev Grigorij. *Antologiya novejshej ruskoj poezii u Goluboj laguny*. T. 2B. N'yutonvill, Mass.: Oriental Research Partners, 1986.
- Losev Lev. *Iosif Brodskij: Opyt literaturnoj biografii*. Sankt-Peterburg: Vita Nova, 2010.
- Lyublinskaya L. «Moe znakomstvo s Iosifom Brodskim». *Zvezda* 5 (2019).
- Mejlah Mihail. «“Brodskij ne hotel vozvrashchat'sya na pepelishche”: Interv'yu s Mihailom Mejlahom». *Colta.ru*. 24 maya 2020.
- Najman Anatolij. *Rasskazy o*. Moskva: AST, 2017.
- Poluhina Valentina. *Iosif Brodskij glazami sovremennikov. 2006–2009*. Sankt-Peterburg: Zvezda, 2010.
- Verhejl Kejs. *Tanec vokrug mira: Vstrechi s Iosifom Brodskim*. Sankt-Peterburg: Zvezda, 2002.

Глеб Морев

„СТАНИЦА У ПУСТИЊИ“: ЈОСИФ БРОДСКИ 1968. ГОДИНЕ

Резиме

Чланак представља поглавље припремљене књижевне биографије Јосифа Бродског. У њој је реч о околностима у којима је дошло до јавног читања песме „Станица у пустињи“ 30. јануара 1968. године у Лењинграду, као и о функцији овог текста у новој самопрезентацији Бродског — након повратка из прогонства и смрти Ахматове.

Кључне речи: Јосиф Бродски, „Станица у пустињи“, биографија песника.